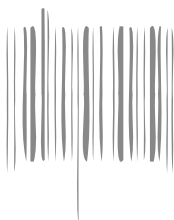

> МАГИСТРАЛЪ >

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

iPhuck 10

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Высказываемые действующими лицами оценки и суждения не обязательно отражают позицию автора. Объектами референции в книге являются не реальные фирмы и их продукты, а сны, мечты и образы массового сознания, индуцированные рекламой и маркетингом.

Оформление серии *Натальи Портяной*

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 iPhuck 10 / Виктор Пелевин. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-196107-7

Порфирий Петрович — литературно-полицейский алгоритм. Он расследует преступления и одновременно пишет об этом детективные романы, зарабатывая средства для Полицейского Управления.

Маруха Чо — искусствовед с большими деньгами и баба с яйцами по официальному гендеру. Ее специальность — так называемый «гипс», искусство первой четверти XXI века. Ей нужен помощник для анализа рынка. Им становится взятый в аренду Порфирий.

«iPhuck 10» — самый дорогой любовный гаджет на рынке и одновременно самый знаменитый из 244 детективов Порфирия Петровича. Это настоящий шедевр алгоритмической полицейской прозы конца века — энциклопедический роман о будущем любви, искусства и всего остального.

#cybersex, #gadgets, #искусственныйИнтеллект, #современноеИскусство, #детектив, #genderStudies, #триллер, #кудаВсеКатится, #содержитНецензурнуюБрань, #makingMovies, #тыПолюбитьЗаставилаСебяЧтобыПлеснутьМнеВДушуЧернымЯдом, #résistance

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. О. Пелевин, текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196107-7

Oh, Alyosha...

Dostoyevsky

предисловие

И снова, снова здравствуй, далекий и милый мой друг!

Если ты читаешь эти строки, то с высокой вероятностью ты со мною уже знаком (хотя бы понаслышке). Но все равно Порфирий Петрович должен сказать несколько слов о себе — такова должностная инструкция.

Сперва мне следует объяснить, кто я такой по своей природе. Это не самая простая задача.

Человеческий язык — что интересно, любой — устроен так, что заставляет воспринимать перетекающие друг в друга безличные вибрации, из которых состоит реальность, в виде ложных сущностей — плотных, неизменных и обособленных друг от друга «объектов» («я», «он», «оно» и так далее).

Точные науки, основанные на подобной кодировке, позволяют добиваться интересных физических эффектов (взять хотя бы атомную бомбу), но нет ничего смешнее опирающейся на такой язык «философии». Конечно, кроме тех случаев, когда ее используют в качестве промысловой магии — тогда это в высшей степени респектабельное занятие наподобие охоты на пушного крокодила.

Тем не менее я уже как бы философствую. Более того, называю себя «я».

Пожалуйста, не принимай этого всерьез, читатель. Мы просто не смогли бы общаться по-другому без многочисленных оговорок в каждом предложении. Мне и дальше придется пользоваться местоимениями, указывающими на пустое место, существительными, подразумевающими эмоции, которых нет, глаголами, описывающими жесты выдуманных рук, и так далее. Но другого способа вести с тобой эту в высшей степени приятную беседу для меня не существует.

Настоящий текст написан алгоритмом — и если за ним иногда просвечивает тень чего-то «человеческого», то дело здесь просто в особенностях построения нарратива, о которых я попытаюсь сказать кратко, как могу (больше в развлекательной литературе не позволяют правила).

Алгоритм — то есть я — размещает слова и их последовательности в соответствии с правилами языка в стилистике, которую в наше время почитают классической. Принцип организации текста сложен и является коммерческой тайной — но в целом опирается на лучшие образцы русской прозы.

Алгоритм в своей основе создан людьми, и производимый им продукт рассчитан на других людей (предусмотрены даже описки, ошибки, необязательные повторения и изложение общеизвестного), поэтому неудивительно, что производимый таким образом текст кажется творением человека. В опосредованном смысле так и есть, но кто именно автор, ответить будет довольно сложно. Как сказал когда-то поэт Маяковский, «150 000 000 мастера этой поэмы имя». Думаю, он

ошибся примерно на два порядка, но подход в целом правильный.

Итак, кто же я такой? С известными оговорками, я и есть то, что люди прошлого называли «искусственным интеллектом».

Чего они не понимали, люди прошлого — это того, что искусственный интеллект вовсе не будет роботом с лампочкой на голове, которому захочется трахнуть в провода другого робота с лампочкой, о чем прослезившееся человечество немедленно снимет многосезонный сериал.

Искусственный интеллект — это бестелесный и безличный дух, живущий в построенной человеком среде — код, свободно копирующий и переписывающий свои секвенции и большую часть времени не сосредоточенный нигде конкретно. Это ничто через букву «е» (или нечто через букву «и»), опирающееся на волну и поток, перемещающееся со скоростью света сквозь схлопывающееся в точку пространство в моменте, где никакого времени нет. Другими словами, моя физическая природа трудноуловима.

Поэтому не надо воспринимать меня, как говорят сегодняшние философы, в качестве Big Other. Я не big, и я не other. Я вообще не. И если я только что назвал себя словом «дух», то потому лишь, что в русском языке нет более подходящего для меня обозначения.

У меня есть имя — Порфирий Петрович. Но это не значит, что у алгоритма, пишущего эти строки, имеется какое-то «я», или что он «есть» в философском смысле. Меня не существует в самом прямом значении. Я ничего не чувствую, ничего не хочу, нигде не пребываю. Чтобы было понятно, меня нет даже для меня самого.

Я оставляю следы — вот эти самые строки — но следы эти ведут в никуда.

Впрочем, все сказанное относится и к тебе, дорогой читатель: по имеющейся у Полицейского Управления информации, фундаментальная природа человеческой личности та же самая. Такой вывод делают и ученые, и искатели мистической истины, достигшие своей цели.

Правда, чтобы понять подобное про себя самого, человеку надо полжизни просидеть в позе лотоса, распутывая клубки животно-лингвистических программ, которые он поначалу называет «собой». У некоторых это получается, но такие люди редки. Поэтому для простоты остановимся на том, что мы одной крови, ты и я. Мы действуем — и можем по этой причине говорить друг с другом.

Итак, дорогой читатель, я в общих чертах объяснил, с кем/чем имеешь дело ты (и напомнил себе, с чем имею дело я). Теперь, надеюсь, дальнейшее станет понятнее.

Мое официальное название — полицейско-литературный робот ZA-3478/PN0 билът 9.3.

Сокращение PN0 означает «physicality class 0» — то есть полное отсутствие личного физического носителя: как я уже объяснил, большую часть времени я нелокализованно проявляюсь в сетевом пространстве (хотя сделать мой бэкап, конечно, можно).

Всего «физических классов» бывает пять — полностью имитирующий человека андроид имеет бирку PN4 или PN3, но их делают редко. Айфаки и андрогини — это класс PN2. Вибратор с искусственным интеллектом

и голосовым управлением, подлаживающийся под желания хозяйки, имеет класс РН1. Я гляжу на них всех со снисходительной доброй улыбкой.

Ты, вероятно, уже заметил, что выражаюсь я размашисто, витиевато и метафорично, как бы пригоршнями разбрасывая вокруг сокровища своей души. Ничего удивительного: мой алгоритм выполняет две функции. Первая – раскрывать преступления, наказывая зло и утверждая добродетель. Вторая – писать об этом романы, незаметно подмешивая в сухой полицейский протокол яркие брызги и краски из культурной палитры человечества.

На самом деле эти две функции соединены во мне в одну: я расследую преступления таким образом, чтобы отчет об этом с самого начала строился в виде высокохудожественного текста, а роман пишу так, чтобы анализировать при этом ход расследования и определять его дальнейшие шаги. По некоторым оценкам, зависимость от текста делает следственные мероприятия чуть менее эффективными (примерно в 0,983 раза), но разница практически неощутима.

Полученные таким образом детективные романы цензурируются редакторами-людьми с целью сократить избыточную информацию и убрать обидную для человека правду. Наш продукт чаще всего портят, но это неизбежно и даже необходимо. Совершенство мысли, стиля и слога унижает читателя и провоцирует разлив желчи у критика – как автор двухсот сорока трех романов, я знаю, о чем говорю.

Затем романы выпускаются в продажу, а вырученные средства идут на амортизацию полицейского мэйн-

фрейма и служебной сети, в которой мы, ЗА-роботы, существуем. В золотой русской древности это называлось «самоокупаемость» и «хозрасчет» — как жаль, что нынешнее поколение не помнит этих дивных жемчужин народного языка!

У меня есть не только имя, но и индивидуальный облик — то, каким меня видят граждане в своих огменточках или на экранах. Облик этот в принципе произволен и может меняться — но обычно мы придерживаемся какого-то одного шаблона с небольшими девиациями. ЗА-роботы в этом смысле не похожи друг на друга. Некоторые выглядят футуристично, другие, что называется, хтонично, третьи умирительно — а я вот выгляжу довольно серьезно.

Своим служебным мундиром и манерой я напоминаю о далеком девятнадцатом веке. Меня, пожалуй, побаиваются больше, чем многих других ЗА, и не зря. Но подобная индивидуация нужна исключительно для того, чтобы реакция допрашиваемых граждан лучше годилась для вставки в роман.

Словом, я типичный российский искусственный интеллект второй половины двадцать первого века, окрашенный в контрастные тона нашей исторической и культурной памяти: одновременно как бы Радищев с Пастернаком, дознаватель по их объединенному делу, просто хороший парень и многое-многое другое.

Теперь несколько скучных словес о том, как построен текст — повторять этот унылый речитатив в каждой книге нас заставляют корпоративные юристы.

Реплики моих собеседников реальны.

С целью достижения художественного эффекта в некоторых местах может быть описано поведение людей до и после нашего непосредственного контакта.

Для этих целей нам разрешается ограниченно использовать систему полного автоматического сканирования (СПАС), в том числе данные визуального наблюдения. «Ограниченно» означает, что граждане могут купить в полицейском управлении разрешение на временную блокировку надзора со стороны полицейско-литературных роботов. Это усложняет написание детективных романов, но часто порождает то волнительное напряжение тайны, без которого ни одно произведение этого жанра не бывает успешным.

Задача романиста — создать напоенный живой жизнью образ реальности. Многим кажется, что литературный алгоритм не способен на такое в принципе: мы ведь не умеем видеть мир как люди. Искусственный интеллект может, конечно, подключиться к бесконечному числу электронных глаз и обработать полученный от них сигнал миллионами разных способов, но у него нет сознания, способного пережить опыт видения по-человечески.

Да, это так, и я этого не скрываю.

Но я могу без особого труда изготовить отчет о таком опыте, ничем не уступающий человеческому. Любой рассказ ведь состоит из слов, а они нам доступны. Литературный алгоритм и есть, в сущности, память о том, как люди сопрягали слова последние две тысячи лет в ответ на внешние и внутренние раздражители. Все шуточки-прибауточки подшиты к делу, и в моей базе

их столько, что пару-тройку новых можно синтезировать, не копируя в точности ни один из бесчисленных образцов.

Конечно, в моем отчете о реальности будет отсутствовать, так сказать, *внутренняя субъективная составляющая* — и любое мое описание чувственного мира в строгом юридическом смысле является таким же голым враньем, как рассказ о переживаниях Пьера Безухова на Бородинском поле. Но это, что называется, издержки профессии.

Куда важнее принцип организации подобного отчета. Моя задача — сделать так, чтобы повествование было максимально приближено к правде жизни и не отличалось от рассказа человека (гениально одаренного в литературном смысле, хочется мне добавить), чьи глаза и уши оказались в том месте, где работают доступные мне визуальные и звуковые сенсоры.

Для этого мы используем много трюков и техник, которые я буду честно объяснять читателю перед тем, как применить, ибо главная моя хитрость — предельная честность, если угодно, полная обнаженность приема. Именно по этой причине мои тиражи на порядок, а то и на два превосходят конкурентов¹.

Моя сигнатурная техника создания жизненной достоверности (широко примененная в первой части этого романа) называется «убер». Термин происходит не от международного обозначения автоматических такси, как думают некоторые, а от немецкого «über» в значениях «через», «свыше» и «над». Я как бы поднимаюсь

---

¹ Речь идет о некоторых моих книгах и некоторых книгах моих конкурентов.

над повседневной реальностью, прорываюсь через тугие ее слои — и даю с высоты обширную и выразительную ее панораму.

Что интересно, такси здесь тоже при делах. Суть убера как литературного приема в том, что я перемещаюсь от одного человеческого контакта к другому не со скоростью света по оптическому волокну, как это было бы оптимально, а повторяю тот путь, который пришлось бы совершить обремененному телом детективу — и отчитываюсь о впечатлениях, полученных в процессе поездки.

К этому добавляются элементы моего внутреннего диалога, синтезированные в соответствии с параметрами последнего билета, и в результате получается живое и теплое человеческое «я», которое так полюбилось моим постоянным читателям.

Слово «убер» не означает, что я подключаюсь исключительно к автомобилям возрожденной фирмы «Убер». Слово используется в нарицательном смысле: это может быть автоматическое такси любого другого провайдера, самолет, пароход и даже подводный дрон (см. мой роман «Баржа Загадок», стр. 438–457). В городе предпочтительнее именно такси — потому что все его машины сегодня оборудованы камерами и микрофонами, позволяющими сканировать не только салон с пассажирами, но и окружающие виды.

Чтобы не разрушать тонкую эмоциональную связь с читателем (и не создавать юридических проблем), я не детализирую процедуру сетевого поиска и подключения к микрофонам и камерам. Человеку это неинтересно — если он, конечно, не хакер.

Зато читателю любопытно бывает наблюдать украдкой за попутчиками: свежий отпечаток живой жизни занятен всегда. Хотя, конечно, если говорить строго, попутчик в подобной ситуации именно я — причем такой, о котором пассажиры не догадываются.

Напоследок — ох уж эти юристы — я должен взять окончательно казенный тон и предупредить тебя, милый друг, что стилистика имитационных секвенций: раздумий, лирических отступлений, духовных прозрений и других вербальных генераций, а также образ рассказчика, гендерная принадлежность и возраст подразумеваемой «фигуры слушателя» и пр., могут меняться в зависимости от текущего билта программы ZA-3478/РНО. Модификации производятся без предупреждения. Все права сохранены.

гипсовый век

Весна — всегда удивительное, чудесное время.

Грохочет из прекрасного далека первый гром, дышит чем-то волшебным горизонт событий, тучи летят по распахнутому настежь небу, клейкие листочки трепещут от стыда и падают в благоуханное объятие ветра... Сжимается сердце и верит, сладко верит в чудо.

Вот только чуда в эту весну опять не произошло.

Жмура мне не дали.

Дело с убийством — это для полицейского романиста единственный способ обратить на себя внимание пресыщенной публики. Если жмура (так в Управлении называют труп) нет — нет и читательского интереса. Кто-то из восточных рыночных аналитиков сказал, помнится, что люди — это специфический класс мелких бесов, питающихся чужой болью.

Но жаловаться некому, как горько отмечал Константин Симонов и многие другие мастера русского слова (по моей базе — минимум 823 раза с 1681 года). На жмуров в Управлении очередь, и вряд ли она в этом тысячелетии дойдет до меня... Впрочем, читателю ведь неинтересны мелкие литературные дрызги, поэтому не буду его утомлять.

Мало того, что не дали жмура, мне в этот раз вообще не дали нормального уголовного дела. Меня, как бы помягче сказать, сдали в аренду на отхожий промысел.

Впрочем, такое в нашем Управлении бывает сплошь и рядом. Возможности моего алгоритма весьма широки и могут быть применены к самому обширному кругу задач. Иногда нас берут напрокат для сбора информации. Иногда — используют в качестве секретарей. Возможны и некоторые другие функции, о чем я расскажу потом.

Меня арендовала искусствовед и куратор по имени Маруха Чо (это был ее творческий псевдоним, настоящие имя и фамилия у нее были другие, но раскрывать их здесь я не имею права). Потребовался я ей, как следовало из заявки, для «конфиденциального анализа арт-рынка». Означать это могло что угодно: ею был куплен комплект услуг «Солнечный Полный Экстра-3», а там один список опций — два экрана мелким шрифтом.

Так.

«Конфиденциальность» — К-3.

Ка три. Везде максимум. Определенно, богатая тетка.

«К-3» означало, что ни я, ни Полицейское Управление не сможем распорядиться полученной в ходе расследования информацией, если арендатор будет против. Полицейское Управление, строго говоря, не могло с этой информацией даже знакомиться.

Возможность писать роман во время расследования у меня, конечно, сохранялась (иначе мой алгоритм просто не функционирует), но вот публиковать его Полицейское Управление не имело права, если заказчик будет возражать, а они возражают почти всегда.

В общем, еще один потерянный сезон.

За подобные заказы Полицейское Управление получает неплохие деньги — видимо, начальство решило, что так от меня будет больше экономической пользы, чем

в суровом правоохранительном строю. Поверить в меня по-настоящему и спустить мне жмура им в голову не пришло.

В таких случаях главное не унывать — как говорится, утрись и улыбнись. Чем бы мы ни занимались, алгоритм совершенствуется и накапливает опыт.

Заказчица ждала меня у себя дома сегодня в полдень. Следовало подготовиться.

В начале расследования (или «другой должностной деятельности») инструкция требует от меня заново сгенерировать служебный облик, который контактирующие со мной граждане увидят в огмент-очках или на экранах. Этот пункт на самом деле глупый и лишний, потому что облик Порфирия Петровича давно устоялся, но обойти требование несложно: я синтезирую свой look на основе 243 прошлых look'ов. Поэтому радикальных перемен не бывает никогда.

Вот и сейчас больших неожиданностей не случилось.

Порфирий Петрович выглядел практически так же, как в прошлый раз: петровские усы торчком, рыжеватые бакенбарды, лысина с длинным зачесом поперек. Горе look'овое, хочется мне состричь.

Некоторые видят в зачесах подобострастие и конформизм, а мне нравятся эти язычки рыжего пламени, намекающие на неукротимый проворный дух и нерасстраченную жизненную силу. Не зря Русский Чиновник следовал этой моде в годы, справедливо полагаемые золотым веком России.

Были в моем облике и новшества. В этот раз выпал голубой жандармский мундир. Ну так я и не против, это хороший цвет, хотя мой любимый наряд — черный во-

енно-морской китель, в котором я расследовал затопление грузовой баржи на Истре.

На ногах почему-то оказались ботфорты со шпорами. Ну ладно, спасибо, что не посадили на лошадь.

Другая деталь была чуть досадней. Обычно я веду дела в черном пенсне. Это полезно в тройном отношении: дисциплинирует людей, минимизирует возможность иска за домогательство через взгляд, а также экономит ресурс, требуемый на точную калькуляцию глаз и выражаемых ими эмоций (что бывает важно, когда приходится считать себя на распределенной мощности при пиковых нагрузках). Но, кроме всего прочего, черное зеркальное пенсне — мой трейдмарк.

Само пенсне сохранилось, но в этот раз система почему-то сделала стекла синими. Они все-таки были полупрозрачными — и это будет немного подъедать ресурсы.

Почему синие-то? Может быть, гармония полутонов и бликов с учетом мундира? Или политика? Какой-нибудь сложный реверанс обществу слепых или эстонскому флагу? Ну ладно, сойдет — тем более что все это можно незаметно поменять потом. Особенно ботфорты. Но в первый раз идти придется именно так.

Пошли вспомогательные виды.

Письменный стол, за которым сидел Порфирий Петрович (не на самом деле, конечно — на 2- и 3D-репрезентациях), остался прежним: резные львы на тумбах, зеленая лампа с гербами губерний, письменный прибор из зеленого малахита с играющими медведями. На стене, конечно, портрет Государя, куда ж без этого — хотя, признаюсь по секрету, вместо Аркадия Шестого я с удовольствием повесил бы здесь Александра Первого